

Глава VIII. Соглашение махновцев с советской властью. — Третье нападение большевиков

В течение лета 1920 г. махновцы несколько раз начинали поход на Врангеля. Дважды они вступали в бой с его частями, но оба раза им ударяли в тыл красные войска — они оказывались между двух огней и вынуждены были, прекратив наступление на Врангеля, выводить свои части из боя. Советская власть не жалела слов и красок, чтобы очернить махновцев. По всей Украине советские газеты трубили о союзе Махно с Врангелем. Летом 1920 г. уполномоченный харьковского правительства Яковлев на пленуме екатеринославского совета сделал заявление о том, что у советской власти имеются документальные данные о союзе Махно с Врангелем. Конечно, это заявление было заведомой ложью. К ней советская власть прибегала для того, чтобы охладить массы рабочих, которые, по мере продвижения Врангеля и отступления красных войск перед ним, все чаще начали обращать свои революционные взоры в сторону Махно.

Ложным сообщениям большевиков о союзе Махно с Врангелем никто среди рабочих и крестьян не верил. Махно был слишком хорошо известен народу, а народ в то же время хорошо знал приемы большевиков. Но, должно быть, большевистской выдумке поверил Врангель, потому что ничем иным, как влиянием советской прессы, изо дня в день долбившей о союзе Махно с Врангелем, или безнадежным генеральским невежеством нельзя объяснить тот факт, что генерал Врангель прислал к Махно посланца. Вероятно, генерал решил на всякий случай прощупать почву.

Приводим следующий документ.

Протокол заседания командного состава рев.-совет, армии Украины (махновцев) 9-го июля 1920 г. с. Времьевка, мариупольского уезда.

§ 4. Послание от генерала Врангеля.

К концу заседания доставили из штаба посланца от генерала Врангеля, который предъявил письмо следующего содержания:

«Атаману повстанческих войск Махно.

Русская армия идет исключительно против коммуны и комиссаров и закрепить за трудовым крестьянством земли государственные, помещичьи и другие частновладельческие. Последнее уже проводится в жизнь.

Русские солдаты и офицеры борются за народ и его благополучие. Каждый, кто идет за народ, должен идти рука об руку с нами. Поэтому теперь усильте работу по борьбе с коммунистами, нападая на их тыл, разрушая транспорт и всемерно содействуя нам в окончательном разгроме войск Троцкого. Главное командование будет посилено помогать Вам вооружением, снаряжением, а также специалистами. Пришлите своего доверенного в штаб со сведениями, что Вам особенно необходимо и для согласования боевых действий.

Нач. штаба главнокомандующего вооруженными силами юга России генерального штаба генерал-лейтенант Шатилов.

Генерал-квартирмейстер генерального штаба генерал-майор Коновалец.

18-го июня 1920 г. г. Мелитополь.»

Посланец, назвавшийся Иваном Михайловым, 28 лет, заявил, что адъютант Слащева вручил ему письмо для передачи батько-Махно, и что будто бы там все уверены, что батько-Махно работает совместно с Врангелем.

Попов[20]*: «Мы сегодня обсуждали ответ красным и нашли его правильным. Мы дадим теперь должный ответ белым насильникам».

Махно: «Единственный ответ, который мы можем дать на подобные гнусные письма, это постановить одно: какой бы делегат ни был прислан от Врангеля и вообще справа, должен быть казнен нами и никаких ответов не может быть дано».

Единогласно решается присланного делегата казнить и предложить Совету опубликовать присланное письмо и дать в печати достойный ответ».

Посланец Врангеля был тут же публично казнен, самый же случай освещен махновцами в их печати. Большевикам все это было доподлинно известно; тем не менее они с бесстыдством продолжали всюду трубить о союзе Махно с Врангелем. Лишь после военно-политического соглашения махновцев с советской властью последняя, в лице главного военного комиссариата, заявила, что

Махно никогда не находился в союзе с Врангелем, что советская власть, утверждая это раньше, была введена в заблуждение неправильной информацией, что, наоборот — махновцы казнили делегатов Врангеля, не вступив с ними ни в какие переговоры. (См. заявление главного комиссариата по военным делам под заголовком «Махно и Врангель» в харьковской газете «Пролетарий» и других газетах Харькова около 20 окт. 1920 г.). Это заявление, в котором советская власть разоблачала сама себя, было сделано ею, конечно, не в силу потребности открыть истину, а только лишь потому, что она, вступив в военно-

политическое соглашение с махновцами, была вынуждена сказать правду.

С середины лета 1920 г. Врангель начал брать инициативу борьбы в свои руки. Он медленно, но систематически продвигался, начиная угрожать всему донецкому бассейну. В связи с польским фронтом он представлял серьезную угрозу для революции, и одно время эта угроза разрослась до зловещих размеров.

Махновцы не могли оставаться равнодушными к движению Врангеля. Им было ясно, что с Врангелем надо бороться сейчас, пока он лишь начал идти на революцию и не закрепился. Все, что будет сделано для разгрома его, пойдет в конечном счете на пользу революции. Но как быть с коммунистами? Их диктатура так же враждебна свободе труда, как и Врангель. Однако разница между коммунистами и Врангелем была та, что на стороне первых были массы, верящие в революцию. Правда, эти массы цинично обманывались коммунистами, эксплуатировавшими революционный порыв трудящихся в интересах своей власти. Но массы-то, которые противопоставлялись Врангелю, верили в революцию, и этот факт значил много. На совещании Совета революционных повстанцев и штаба армии решено было вести главную борьбу с Врангелем. Широкая повстанческая масса должна была вслед за этим сказать свое решающее слово по этому поводу.

Уничтожением Врангеля, по мнению совещания, достигалось многое. Во-первых, устранялась одна лишняя опасность для революции. Во-вторых, общероссийская действительность освобождалась от той контрреволюционной пестроты, от которой страдала в течение всех революционных лет. Рабочая и крестьянская масса очень нуждалась в таком очищении действительности. Она, благодаря ему, легче смогла бы осмотреться, подвести итоги прошлого, сделать выводы и заключения и дать революции новые силы. Совещание решило предложить коммунистам, в целях совместного Разгрома Врангеля, прекратить взаимную борьбу. От имени совета и командующего повстанческой армией еще в июле и августе 1920 г. были посланы телеграммы соответствующего содержания в Харьков и Москву. Ответа не было. Коммунисты вели прежнюю войну с махновцами, продолжали прежнюю заведомо клеветническую кампанию против них. Но в сентябре, когда эвакуировался Екатеринослав и когда Врангель занял Бердянск, Александровск, Гуляй-Поле, Синельникове, в г. Старобельск, где стояли махновцы, приехала полномочная делегация от ЦК партии коммунистов-большевиков, во главе с коммунистом Ивановым, для переговоров о совместных действиях против Врангеля. Переговоры состоялись здесь же, в Старобельске, и здесь же были выработаны предварительные условия военно-политического соглашения махновцев с советской властью. Для окончательной редакции и утверждения они были посланы в Харьков. Для этого же, а также для постоянных сношений со штабом южного фронта в Харьков было послано военное и политическое представительство махновцев во главе с Куриленко, Будановым и Поповым.

Между 10 и 15 окт. 1920 г. условия соглашения были окончательно выработаны и приняты договаривающимися сторонами в следующем виде:

«УСЛОВИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ УКРАИНЫ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОВСТАНЧЕСКОЙ АРМИЕЙ УКРАИНЫ

(МАХНОВЦЕВ)»

РАЗДЕЛ 1 — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

Немедленное освобождение и прекращение преследований в дальнейшем на территориях советских республик всех махновцев и анархистов, за исключением вооруженно выступающих против советского правительства.

Полнейшая свобода агитации и пропаганды, как устно, так и печатно, махновцами и анархистами своих идей и пониманий без призыва к насильственному ниспровержению советского правительства и с соблюдением военной цензуры. В деле издания махновцы и анархисты, как революционные организации, призванные советской властью, пользуются техническим аппаратом советского государства, подчиняясь правилам техники издания.

Свободное участие в выборах советов, право махновцев и анархистов вхождения в таковые и свободное участие в подготовке созыва очередного 5-го всеукраинского съезда советов, имеющего быть в декабре с.г.

По поручению совет, правительства У.С.С.Р. Я. Яковлев. Уполномоченные Совета и командования рев. повет, армии Украины (махновцев): Куриленко, Попов.

РАЗДЕЛ 2 — ВОЕННОЕ СОГЛАШЕНИЕ

1. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики, как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии.

2. Революционная повстанческая армия Украины (махновцев), продвигаясь по советской территории, фронту и через фронты, не принимает в свои ряды частей красной армии и дезертировавших из таковых [21]*.

Примечание:

а) Встретившиеся и примкнувшие к революционной повстанческой армии в тылу Врангеля красные части и отдельные красноармейцы из таковых, по встрече с частями красной армии, подлежат возвращению в последнюю.

б) Оставшиеся в тылу Врангеля повстанцы-махновцы и местное население, вновь вступающее в ряды повстанческой армии, остаются в последней, хотя бы прежде и были мобилизованы в красную армию.

3. О состоявшемся соглашении революционная повстанческая армия Украины (махновцев), в целях уничтожения общего врага белогвардейщины, доводит до сведения идущей за ней трудовой массы путем соответствующих воззваний с призывом о прекращении военных действий против советской власти, причем в целях достижения большего результата сов. правительство должно также немедленно опубликовать о состоявшемся соглашении.

4. Семьи революционной повстанческой армии махновцев, проживающие на территории советской республики, в льготах приравниваются к семействам красноармейцев и получают от совет, правительства Украины соответствующие документы.

Подписали: Командующий южфронтом Фрунзе.

Члены реввоенсовета южфронта: Бела Кун, Гусев. Уполномоченные совета и командования повстанческой армии махновцев — Куриленко, Попов.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПУНКТ ПОЛИТИЧЕСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

Представительство совета и командования армии махновцев, в дополнение к трем первым пунктам, представило советской власти следующий четвертый пункт политического соглашения:

Ввиду того, что одной из главных сторон махновского движения является борьба за самоуправление трудящихся у себя на местах, повстанческая армия махновцев выдвигает четвертый пункт политического соглашения, а именно: организация в районе действий махновской армии местным рабоче-крестьянским населением вольных органов экономического и политического самоуправления, их автономия и федеративная (договорная) связь с государственными органами советских республик.»

***

Долгое время советская власть под разными предлогами оттягивала публикацию этого соглашения. Представительство махновцев уже тогда увидело в этом что-то недоброе; полный же смысл этой оттяжки стал ясен тогда, когда соввласть совершила новое неожиданное предательское нападение на махновцев. Об этом, однако, ниже.

Видя, что соввласть хитрит, затягивая публикацию достигнутого соглашения, махновцы поставили вопрос остро: пока соглашение не будет опубликовано, армия махновцев не может действовать на основании этого соглашения. И лишь после такого напора со стороны махновцев советская власть опубликовала текст соглашения, но не сразу весь, а по частям: сначала часть вторую, по военному вопросу, а через неделю — часть первую, по политическому вопросу. В связи с этим смысл соглашения был затемнен и верно понят очень немногими читателями. Что же касается четвертого пункта политического соглашения, то большевики отделили его, заявив, что он требует особого обсуждения и совещания с Москвой. Представительство махновцев согласилось обсуждать его самостоятельно.

После этого, с 15-20 октября, махновская армия пошла на Врангеля. Боевым участком ее был район — Синельникове, Алек-сандровск, Пологи, Бердянск, и направление — Перекоп. При первых же боях, в районе Пологи — Орехов, была разбита большая группа врангелевцев, во главе с генералом Дроздовым, причем взято в плен около 4000 врангелевских солдат. Через три недели означенный район был освобожден от войск Врангеля. В начале ноября махновцы совместно с красными войсками были уже под Перекопом.

Здесь необходимо отметить следующую важную черту: как только стало известно, что махновцы совместно с красными идут на Врангеля, настроение среди местного населения быстро поднялось. Врангель был бесповоротно осужден, и его конца всюду ждали со дня на день.

Роль махновцев в очищении Крыма от врангелевцев была следующая. В то время, когда под самым Перекопом стояли красные части, махновцы, согласно оперативному приказу, взяли левее Перекопа на 25-30 верст и стали переправляться через Сиваш. Первой пошла конница под руководством Марченко — гуляй-польского крестьянина-анархиста, затем — пулеметный полк под руководством Кожина. Переправа шла под ураганным обстрелом со стороны противника и стоила больших жертв. В числе многих других командир Фома Кожин был в первом же бою выведен из строя тяжелыми ранениями. Однако упорство и смелость наступавших обратили врангелевцев в бегство. Тогда Семен Каретник, командующий крымской армией махновцев, направил все части прямо на Симферополь, который и был взят ими 13 или 14 ноября. Одновременно с этим красными частями был занят Перекоп. Несомненно, зашедшие через Сиваш в глубь Крыма махновцы способствовали его падению, заставив врангелевцев броситься в глубокий тыл полуострова, чтобы не оказаться зажатыми со всех сторон в перекопских ущельях.

***

Факт соглашения махновцев с советской властью впервые после долгого периода непрерывной войны открывал району некоторую возможность спокойного общественного строительства. Мы говорим: некоторую возможность, ибо, помимо того, что во многих местах района происходила ожесточенная война с войсками Врангеля (Гуляй-Поле, например, в это время несколько раз переходило из рук махновцев в руки врангелевцев и обратно), сама советская власть, несмотря на соглашение, держала район в полублокаде, всячески парализуя революционные мероприятия трудящихся на местах. Однако наиболее активное ядро махновцев, находившееся в Гуляй-Поле, старалось развить максимум энергии в области общественного строительства. Центральное внимание было направлено на организацию вольных трудовых советов, которые представляли бы органы местного рабоче-крестьянского самоуправления. В основу таких советов была положена идея полной независимости их от какой-либо сторонней власти и подотчетность местным труженикам.

Первый практический шаг в этом деле предприняли именно гуляй-польцы. За время с 1 по 25 ноября 1920 г. они не меньше 5-7 раз собирались всем селом на сход, постепенно, тщательно и осторожно подвигаясь к решению вопросов самоуправления. Основание вольному совету в Гуляй-Поле было положено в средних числах ноября 1920 г., но окончательно он не был сконструирован; этот совершенно новый практический шаг самоорганизации трудящихся требовал времени и опыта. В это же время Советом революционных повстанцев были разработаны и отпечатаны «Основные положения о вольном трудовом Совете» (проект).

Не меньшее внимание трудящиеся Гуляй-Поля уделили вопросу о школе. Многочисленные нашествия различных армий отзывались крайне губительно на школьном деле в районе.

Учительский персонал, давно не получая никакого содержания, разбрелся, устраиваясь ради пропитания как попало. Школьные здания опустели и замерли. В период соглашения махновцев с советской властью школьный вопрос живо и непосредственно заинтересовал массы. Решение его махновцы поставили в плоскость самоуправления трудящихся. И школьное дело, говорили они, как и все прочее, вытекающее из основных потребностей трудящихся, есть дело местного трудового населения. Об обучении своих детей грамоте и наукам оно непосредственно само должно заботиться. Но это еще - все. Беря в свои руки дело обучения и воспитания молодого поколения, трудящиеся очищают и возвышают саму идею школы. * Рукав народа школа становится не только источником знания, но и средством воспитания и развития свободного человека, каковым должен быть каждый труженик в свободном трудовом обществе. Следовательно, с первого момента самоуправления трудящихся школа должна быть независима не только от церкви, но в такой же мере и от государства.

Руководимые этой мыслью гуляй-польские крестьяне и рабочие воодушевленно приветствовали мысль об отделении школы от государства, о полной независимости ее от последнего — так же, как и от церкви. В том же Гуляй-Поле оказались последователи и проповедники идей свободной школы Франциско Феррера, а также теоретики и практики идеи единой трудовой школы.

Новая постановка вопроса школьного дела вызвала сильное движение и подъем среди гуляй-польцев. Большинство культурных работников из крестьян потянулись к этому делу. Нестор Махно, хотя и имел в это время тяжелую рану в ноге, живо интересовался ходом его, аккуратно посещая все собрания гуляй-польцев по школьному вопросу и даже попросив знающих лиц сделать ему несколько докладов — лекции по теории и практике единой трудовой школы.

Конкретные начинания гуляй-польцев в области школьного дела выразились в следующем. Крестьяне и рабочие всем селом обязались взять на содержание учительский персонал, необходимый для обслуживания всех школ села (в Гуляй-Поле имелось несколько начальных школ и две гимназии). Была создана школьная комиссия из представителей крестьян, рабочих и учащихся, которой были поручены учебно-организационная, а также хозяйственная сторона школьного дела. Приняв принцип отделения школы от государства, гуляй-польцы приняли также схему свободного обучения в школах, сходную со схемой свободной школы Франциско Феррера. В этом отношении школьной комиссией был разработан определенный план и подготовлена большая теоретико-организационная предварительная работа, к сожалению, не имеющаяся у нас под руками.

Одновременно с этим в Гуляй-Поле были предприняты занятия с неграмотными и малограмотными повстанцами. Нашлись люди с серьезной подготовкой и многолетним стажем, специалисты по обучению грамоте взрослых.

Наконец, в это же время в Гуляй-Поле были организованы курсы политической грамоты для повстанцев. Их целью было дать минимальные знания повстанцам по истории, социологии и родственным предметам, чтобы, таким образом, их боевое оружие пополнить оружием знания и подготовить их к более широкому пониманию революционных задач и

революционной стратегии. Занятия на курсах велись самими же повстанцами из крестьян и рабочих, наиболее начитанных. В их программу входили: а) политическая экономия; б) история; в) теория и практика анархизма и социализма; г) история великой французской революция (по Кропоткину); д) история революционного повстанчества в русской революции и другое. Лекторские силы у махновцев были крайне слабы; однако благодаря серьезному отношению к делу и со стороны лекторов, и со стороны повстанческой аудитории курсы с первого же дня приняли живой, крайне деловой характер, обещая сыграть значительную роль в дальнейшем развитии движения.

И театру повстанцы уделили большое внимание. Еще до соглашения с большевиками, когда повстанческой армии приходилось изо дня в день принимать бои с многочисленными противниками, при ней постоянно сохранялась театральная секция из самих повстанцев, которая, насколько позволяла боевая обстановка, ставила пьесы частью для повстанческой массы, частью для крестьян.

В Гуляй-Поле имеется довольно большое театральное здание. Но профессиональные артисты в селе всегда были редкостью. Гуляй-Поле обходилось обыкновенно местными любительскими силами крестьян, рабочих и сельской интеллигенции, т.е., главным образом, учащихся и учащихся. За время гражданской войны, жестоко разорившей Гуляй-Поле, интерес у гуляй-польцев к театру несколько не ослабел, а даже возрос. В дни соглашения махновцев с большевиками, когда в связи с договором была снята блокада, театр в Гуляй-Поле ежедневно переполнялся тружениками; при этом крестьяне, повстанцы и их жены были не только артистами: на сцене шли пьесы, написанные ими же самими[22]*. Культурно-просветительный отдел армии махновцев принимал непосредственное и активное участие в организации театрального дела в Гуляй-Поле и по всему району.

***

Никто среди махновцев не верил в продолжительность и прочность соглашения с большевиками. На основании прошлого каждый ожидал, что они непременно придумают повод для нового похода на махновщину. Но ввиду политической обстановки полагали, что соглашение это продлится три-четыре месяца. А это имело бы большое значение для широкой пропагандистской работы в районе, нужда в которой была огромная и на которую у махновцев накопилось много энергии. Последнее время, в силу своего положения, махновцы были почти совсем оторваны от этой работы. Главным же образом имелось в виду, что на почве этого соглашения удастся резко оттенить перед трудовыми массами сущность того, в чем большевики не сходятся с махновцами и из-за чего между ними идет борьба. Это и было блестяще достигнуто. Четвертый пункт политического соглашения, в котором махновцы требовали от большевиков признать за рабочими и крестьянами право на их экономическое и общественное самоуправление, оказался абсолютно неприемлемым для советвласти. Однако представители махновщины настойчиво требовали от последней подписать этот пункт или дать объяснение, почему он ею отвергается. В то же время пункт этот стал выноситься махновцами на открытое обсуждение масс. В Харькове анархисты и махновцы в своих докладах перед рабочими касались этой темы. В Гуляй-Поле и окрестностях были выпущены листовки, освещавшие этот вопрос. К середине ноября этот небольшой пункт,

укладывающийся в три-четыре строчки, стал всюду привлекать к себе массы и в недалеком будущем обещал быть центром их внимания.

Но к этому времени был ликвидирован Врангель. Для непосвященных это обстоятельство не могло повлиять на соглашение махновцев с советской властью. Махновцы же в этом событии увидели начало конца соглашения. Как только в Гуляй-Поле прибыла из их полевого штаба телеграмма о том, что Каретник с повстанческой армией уже в Крыму и пошел на занятие Симферополя, помощник Махно, Григорий Василевский, воскликнул: «Конец соглашению! Ручаюсь чем угодно, что через неделю большевики будут громить нас». Это было сказано 15 или 16 ноября, а 26 ноября большевики предательски напали на махновское командование и махновские войска в Крыму, на Гуляй-Поле, захватили махновское представительство в Харькове, разгромили и арестовали там же всех анархистов, а также анархистов и анархические организации по всей Украине.

Советская власть не замедлила объяснить все эти позорные предательские нападения своим обычным способом: махновцы и анархисты якобы готовили восстание против советской власти. Лозунгом этого восстания должен был будто бы служить 4-й пункт политического соглашения. Были якобы назначены даже время и место восстания. Махно, кроме того, обвинялся в том, что отказался идти на кавказский фронт; что производил мобилизацию крестьян, готовя армию против советского правительства; что вместо того, чтобы воевать в Крыму с Врангелем, он воевал в тылу с красной армией, и т.д.

Нечего говорить, что объяснения эти — сплошная и чудовищная ложь. У нас имеются все данные для изобличения этой лжи и установления истины.

Во-первых. 23 ноября 1920 г. в Пологах и Гуляй-Поле махновцами были схвачены 9 агентов контрразведки 42-й красноармейской стрелковой дивизии, которые, будучи изобличены в шпионаже, показали следующее: по приказу начальника контрразведки они должны были быть в Гуляй-Поле и установить местообитание Махно, членов штаба, командиров и членов Совета; ждать, когда в Гуляй-Поле войдут красные войска, и сразу же указать квартиры намеченных лиц; если же во время внезапного прихода красных войск эти лица будут перебегать из одного места в другое — не упускать из вида, все время следовать за ними по пятам. Нападения на Гуляй-Поле, по словам задержанных, можно было ждать 24 или 25 ноября.

На основании результатов дознания, от имени Совета революционных повстанцев и командующего армией Раковскому и Реввоенсовету южного фронта было послано сообщение о раскрытом заговоре с требованием: 1) немедленно арестовать и предать военному суду начальника 42-й дивизии, начальника штаба дивизии и прочих участников заговора и 2) во избежание недоразумений закрыть проход красным частям через пункты: Гуляй-Поле, Пологи, М. Токмачка и Туркеновка.

Ответ харьковского советского правительства был следующий: заговор, должно быть, является простым недоразумением; тем не менее, советская власть для выяснения дела создает комиссию и предлагает штабу армии махновцев послать от себя в эту комиссию двух человек. Этот ответ был передан из Харькова по прямому проводу 25 ноября. Утром

следующего дня секретарь Совета революционных повстанцев П. Рыбин вновь говорил по этому поводу с Харьковом, откуда большевики успокаивающе отвечали, что дело 42-й дивизии будет улажено к полному удовлетворению махновцев; при этом тут же сообщали, что вопрос с 4-м пунктом политического соглашения также подходит к благополучному разрешению. Разговор этот шел 26 ноября в 9 час. утра по прямому проводу. А между тем, еще до этого разговора, — именно в 3 часа утра этого дня — в Харькове уже было захвачено представительство махновцев, арестованы все анархисты г. Харькова и остальных мест Украины. Ровно через два часа после разговора Рыбина по прямому проводу Гуляй-Поле было обложено со всех сторон советскими войсками и обстреливалось ураганным артиллерийским и пулеметным огнем. В этот же самый день и час было произведено нападение на махновскую армию в Крыму, изменнически захвачены и убиты все члены полевого штаба махновцев и командующий крымской махновской армией Семен Каретник.

Несомненно, такая обширная операция нападений и арестов тщательно готовилась, и готовилась не менее полутора-Двух недель.

Мы, таким образом, видим не только предательское нападение советской власти на махновцев, но и ее тонкий организованный подход к этому делу, ее усилия усыпить бдительность махновцев, обмануть их, чтобы прочнее схватить и задушить их.

Во-вторых. На другой день после упомянутого нападения на Гуляй-Поле — 27 ноября, махновцы захватили у пленных красноармейцев листовки: «Вперед на Махно» и «Смерть махновщине» — издание политотдела 4-й армии, без даты. Листовки эти, по свидетельству красноармейцев, были розданы последним 15-16 ноября и звали на борьбу с Махно за нарушение им военно-политического соглашения, за отказ идти на кавказский фронт, за восстание против советской власти и т.д. Это показывает, что все перечисленные в листовках обвинения против Махно были сфабрикованы и отпечатаны еще в то время, когда махновская армия только что прорвалась в Крым и заняла Симферополь, а представительство махновцев спокойно работало с советской властью в Харькове.

В-третьих. В течение октября-ноября 1920 г., т.е. в дни, когда военно-политическое соглашение махновцев с советской властью только утверждалось, в Гуляй-Поле дважды были обнаружены попытки советской власти убить Махно при помощи подкупленных лиц.

Добавим к этому, что никакого приказа, предписывающего повстанческой армии перейти на кавказский фронт, в Гуляй-Поле — в основной штаб армии — не поступало. Махно в это время, имея тяжелое ранение — раздробленную ногу, — совсем не занимался бумагами; последние поступали на руки начальнику штаба армии Белашу и П. Рыбину, секретарю Совета, которые о всяком поступающем в штаб документе сообщали на ежедневных заседаниях Совета.

Здесь следует припомнить отмеченный нами выше факт затягивания советской властью публикации текста военно-политического соглашения. Теперь становится вполне понятным, почему она упорно задерживала публикацию. Для нее это соглашение было чисто военным шагом, рассчитанным, самое большое, на месяц-два, пока не будет ликвидирован Врангель. Вслед за его уничтожением она собиралась немедленно вновь объявить махновцев

бандитами и контрреволюционерами и под этим лозунгом воевать с ними. Следовательно, не в ее интересах было публиковать и выносить на обсуждение масс политический союз с махновцами. В сущности, она хотела бы совсем скрыть его от широких масс, чтобы назавтра, словно ничего и не было, продолжать борьбу с махновцами под прежним лозунгом борьбы с бандитизмом и контрреволюцией.

Такова правда о разрыве военно-политического соглашения советской власти с махновцами.

Необходимо обратить сугубое внимание на самый текст соглашения. В нем отчетливо сказались две тенденции — государственная, отстаивающая обычные привилегии и прерогативы власти, и народно-революционная, отстаивающая требования, которые испокон веков выдвигаются подневольной массой к власти имущим. Характерно, что вся первая часть соглашения, относящаяся к области политических прав трудящихся, состоит из требований,

предъявленных лишь махновцами. Советская власть в этой области классически выдержала позицию тиранической стороны, т.е. она урезывала требования махновцев, торговалась из-за каждого пункта, стараясь дать как можно меньше из того, что составляет необходимое и неотъемлемое в жизни народа — политические права.

Отметим также, что махновцы, исходившие из анархического понимания борьбы, всегда были противниками политических заговоров. В революционную борьбу они вступали открыто, перенося ее в среду широких трудовых масс, ибо верили, что только такая массовая революционная борьба может привести трудящихся к их победе; заговоры же — к смене властей, что было противно самой природе махновщины.

Таким образом, соглашение советской власти с махновцами в самом зародыше было обречено большевиками на смерть и соблюдалось лишь до разгрома Врангеля.

Это ясно также из некоторых документов самой советской власти. Приводим приказ командующего южфронта Фрунзе — приказ, который с головой выдает большевиков в их предательском нападении на махновцев, опровергая одновременно всю ложь, возводимую в этом деле советской властью на анархистов и махновцев.

ПРИКАЗ КОМАНДАРМУ ПОВСТАНЧЕСКОЙ Т. МАХНО.

КОПИЯ КОМАНДАРМАМ ЮЖНОГО ФРОНТА. №00149

ПОЛЕВОЙ ШТАБ, Г. МЕЛИТОПОЛЬ. 23 НОЯБРЯ 1920 г.

В связи с окончанием боевых действий против Врангеля, в виду его уничтожения, революционный военный совет южфронта считает задачу партизанской армии законченной и предлагает реввоенсовету повстанческой армии немедленно приступить к работе по превращению партизанских повстанческих частей в нормальные воинские соединения красной армии.

Существование повстанческой армии с особой организацией более не вызывается боевой обстановкой. Наоборот, существование наряду с частями красной армии отрядов с особой организацией и задачами приводит к совершенно недопустимым явлениям...[23]*, и поэтому реввоенсовет южного фронта предлагает реввоенсовету повстанческой армии:

1) Все части бывшей повстанческой армии, находящейся в Крыму, немедленно ввести в состав четвертой армии, реввоенсовету которой поручается их переформирование.

) Упроформ в Гуляй-Поле расформировать и бойцов влить в запасные части по указанию командарма запасной.

3) Реввоенсовету повстанческой армии принять все меры к разъяснению бойцам необходимости проводимой меры.

Подписали: Командующий южфронтом М. Фрунзе, член реввоенсовета Смита, нач. полев. штаба армии Каратыгин.

Следует припомнить историю соглашения советской власти с махновцами.

Как отмечено выше, этому соглашению предшествовали предварительные переговоры махновцев с советской делегацией, специально приехавшей в лагерь махновцев в г. Старобельск во главе с коммунистом Ивановым. Переговоры эти из Старобельска были перенесены в г. Харьков, где махновская делегация совместно с уполномоченными советской власти в течение трех недель вела работу по заключению соглашения. Каждый пункт этого соглашения тщательнейшим образом взвешивался и обсуждался обеими сторонами.

В своей окончательной форме соглашение было принято договаривающимися сторонами, т.е. советской властью и революционным повстанческим районом в лице Совета революционных повстанцев Украины, и подписано уполномоченными этих сторон.

По смыслу этого соглашения следовало, что ни один пункт его не мог быть отвергнут или изменен иначе, как по взаимному соглашению советской власти и Совета революционных повстанцев Украины, раз соглашение это не было нарушено ни одной, ни другой стороной.

Пункт 1-й II раздела соглашения говорит, что (дословно): «Революционная повстанческая армия Украины (махновцев) входит в состав вооруженных сил республики как партизанская, в оперативном отношении подчиняясь высшему командованию красной армии; сохраняет внутри себя установленный ранее распорядок, не проводя основ и начал регулярных частей красной армии».

Фрунзе приказом № 00149 от 23 ноября 1920 г. требует расформировать армию повстанцев-махновцев и влить ее в части красной армии. Делается это, как сказано в приказе, потому, что советская власть «ввиду уничтожения Врангеля считает задачу партизанской армии законченной».

Этим приказом уничтожается не только приведенный выше 1-й пункт соглашения по военному вопросу, но вообще все военно-политическое соглашение.

То обстоятельство, что советская власть делает это не в форме пересмотра и изменения уже существующего текста соглашения, а в форме спешного военного приказа, подкрепляя последний немедленным огнем, показывает, что для большевиков все соглашение имело значение лишь военной ловушки в отношении махновцев.

В добавление к приведенному приказу четвертая красная армия, находившаяся в Крыму, получила инструкцию — действовать в отношении махновцев всеми имеющимися в ее распоряжении силами, если последние не подчинятся приказу.

Приказ Фрунзе без всяких комментариев рисует настоящее положение дел. Он предписывает махновцам упразднить их армию, превратив ее в обычную красноармейскую часть, — иными словами, махновщина должна сама покончить с собой. Можно бы удивляться такой наивности, если бы это была только наивность.

Однако за ней скрывался вполне обдуманый, тщательно рассчитанный шаг к решительному разгрому махновщины. Врангель разбит. Махновцы использованы. Момент — наиболее подходящий для их уничтожения. Следовательно, они теперь же должны прекратить свое существование. В этом смысл приказа.

Но, несмотря на некоторую свою прямоту, и приказ Фрунзе является ложью. Дело в том, что ни штаб армии в Гуляй-Поле, ни представительство махновцев в Харькове не получали его. Махновцам он стал известен 3-4 недели спустя после нападения, из газет, случайно попавших им в руки. И это вполне понятно. Большевики, подготавливавшие неожиданное нападение на махновцев, не могли послать им вперед такой приказ. Этим был бы сорван весь их план. Приказ сразу, во всех местах поставил бы махновцев на ноги, и ни одно подготавливавшееся большевиками нападение не имело бы успеха. Это прекрасно знала советская власть. Поэтому до последней минуты она держала в строгой тайне свои намерения. После, когда нападения были произведены и разрыв стал свершившимся фактом, появился в печати приказ Фрунзе. Он был напечатан впервые 15 декабря в харьковской газете «Коммунист», а дата на нем была 23 ноября. Все эти хитрости делались с той целью, чтобы захватить махновцев врасплох, разгромить их, а после объяснять этот акт с «законом в руках».

Нападение на махновцев сопровождалось повсеместными арестами анархистов. Этим актом, помимо прямой борьбы с анархической идеей, большевики стремились задушить голос протеста, убить всякую возможность осветить перед массами событие. Арестовывались не только анархисты, но также находившиеся с ними в простом знакомстве или интересовавшиеся анархической литературой. В Елисаветграде арестовали около 15 мальчиков от 15 до 18 лет. Хотя губернские власти в Николаеве были не удовлетворены арестом этих детей, говоря, что следовало бы достать «настоящих» анархистов, а не таких юнцов, — тем не менее, дети эти остались в заключении.

В Харькове ловля анархистов приняла такой характер, какой вряд ли знала Россия в прошлые годы. На квартирах всех местных анархистов были устроены засады. Была устроена засада в книжном магазине «Вольное братство». Всякого, приходившего в него за покупкой книг, неожиданно хватали и отправляли в Че-ка. Хватали лиц, которые останавливались и читали недавно выпущенную (легально) и наклеенную на стену анархическую газету «Набат». Местный анархист Григорий Цесник благодаря случаю избежал ареста. Тогда большевики посадили в тюрьму его жену — человека, далекого от всякой политической деятельности. Последняя объявила голодовку с требованием освободить ее. Большевики цинично заявили, что если Цесник дорожит своей женой, то должен сам явиться к ним. Цесник, больной туберкулезом, действительно явился и был заключен в тюрьму.

Мы уже говорили, что в Крыму был предательски захвачен весь полевой штаб и командующий махновской армией. Командир конницы Марченко, окруженный было частями 4-й красной армии, пробился через ряд заслонов и заграждений на Перекопе и к 7 декабря, двигаясь день и ночь, добрался до группы Махно. Соединение произошло в греческом местечке Керменчик. Слух о прорыве из Крыма махновской армии носился уже несколько дней. Наконец, 7 декабря прибыл гонец с известием, что через несколько часов прибудет группа Марченко. С волнением махновцы, находившиеся в Керменчике, вышли встречать героев на окраину села. Но когда в отдалении увидели двигавшуюся конную группу — сердце у всех сжалось. Вместо могучей конницы в 1500 человек, возвращался небольшой отряд в 250 человек. Подъехали передовые части во главе с Марченко и Тарановским.

«Имею честь доложить — крымская армия вернулась», — заговорил с легкой иронией Марченко. Все улыбнулись. «Да, братики, — продолжал Марченко, — вот теперь-то мы знаем, что такое коммунисты». Но Махно был угрюм. Вид разбитой, почти уничтоженной знаменитой конницы сильно потряс его. Он молчал, стремясь удержать волнение.

На состоявшемся тотчас же митинге были сделаны доклады о том, как произошло нападение в Крыму. Командующий армией Каретник был вызван советским командованием в Гуляй-Поле якобы для военного совещания и по дороге изменнически схвачен; начальник полевого штаба Гавриленко, члены штаба и некоторые командиры были взяты под предлогом обсуждения военно-оперативных дел армии. Все схваченные были немедленно расстреляны. Культурно-просветительный отдел, находившийся в Симферополе, был взят без всяких военных хитростей.

***

В момент окружения Гуляй-Поля красными войсками — 26 ноября — в последнем находилось лишь 150-200 человек кавалерии особой сотни. Этой сотней Махно сбил советский кавалерийский полк, наступавший на Гуляй-Поле по Успеновской дороге, и вышел из тесного кольца красных войск. Первую неделю он организовывал стекавшиеся к нему с разных сторон повстанческие отряды и некоторые красноармейские части, уходившие к нему от большевиков. Создался отряд в 1000 сабель и 1500 человек пехоты, с которым он затем пошел в наступление. Ровно через неделю он занял Гуляй-Поле, разбив стоявшую в

нем 42 дивизию и взял 6000 пленных. Из последних около 2000 человек изъявили желание остаться в повстанческой армии, а

остальные, после проведенного митинга, были отпущены в тот же день. Три дня спустя Махно нанес красным более серьезный удар под селом Андреевка. С глубокой ночи и до вечера следующего дня он вел там непрерывный бой с двумя красными дивизиями, разбил их, взяв от 8000 до 10000 пленных. Последние, как и в Гуляй-Поле, были тут же распущены. Добровольцы остались в армии. И затем еще один за другим три удара нанес Махно красным частям в с. Комарь, Царе-Константиновке и г. Бердянске. Красноармейская пехота дралась нехотя, а при случае массами сдавалась в плен[24]*.

Одно время махновцев радовала мысль, что победа будет на их стороне. Им казалось, что следовало лишь разбить две-три значительные группы красных, двигавшиеся на махновцев в разных направлениях, и тогда красная армия частью перейдет к махновцам, а частью будет оттянута к северу. Но вот из разных мест от крестьян пришли сведения, что большевики в каждом селе ставят полки, преимущественно кавалерийские, и что в некоторых местах накапливаются огромные массы их войск. И действительно, южнее Гуляй-Поля, в с. Федоровка, Махно был окружен несколькими пехотными и кавалерийскими дивизиями. С двух часов ночи и до четырех часов дня он вел с ними непрерывный бой; затем, прорвав цепь, ушел в северо-восточном направлении. Через три дня такая же история случилась в греческом селе Константин: масса неприятельской конницы и ураганный орудийный огонь со всех сторон. Из сообщений пленных красных офицеров Махно узнал, что против него действуют четыре армии — две конные и две смешанные, и что цель красного командования — зажать его со всех сторон сильными военными заслонами, которые уже быстро сближаются между собою. Эти показания сходились с показаниями крестьян и с личными наблюдениями и заключениями Махно. Стало ясно, что разгром двух-трех красноармейских групп будет иметь мало значения в той массе войск, которая брошена на махновцев. Речь шла уже не о победе над советскими войсками, а о том, как не допустить катастрофы повстанческой армии. Этой небольшой по количеству армии в 3000 бойцов ежедневно приходится принимать бой с противником в 10 000 — 15 000 человек. В таких условиях армия несомненно подойдет, в конце концов, к катастрофе. Совещанием Совета революционных повстанцев было решено временно покинуть весь южный район, предоставив Махно полноту свободы в деле движения армии.

Гению Махно было предъявлено величайшее испытание. Казалось совершенно невозможным выйти из той массы войск, которая со всех сторон вцепилась в группу повстанцев. Три тысячи бойцов-революционеров были окружены войском в 150 000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красными дивизиями, он, как сказочный герой, шел, отбиваясь направо, налево, вперед и назад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20 000 красноармейцев, Махно пошел было на восток, к Юзовке, где, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, но вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному ведомыми путями. Сторонясь дорог, армия сотни верст двигалась по снежным полям, руководимая каким-то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне[25]*. Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся

вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-й конной армии, считавших, что местопребывание Махно находится за сто с лишним верст от них.

Борьба растянулась на несколько месяцев с непрерывными, шедшими день и ночь боями.

В Киевской губернии армия махновцев попала в период гололедицы в такую изуродованную скалистую местность, что пришлось бросить всю артиллерию, снабжение и почти все тачанки. И в это же время ко всей колоссальной массе войск, повисших на Махно, неожиданно добавились еще две кавалерийские дивизии червонного казачества, стоявшие на западной границе. Все пути были отрезаны. Местность — могила: скалы и крутые балки, покрытые льдом. Двигаться можно было лишь невыносимо медленно. А со всех сторон непрерывный артиллерийский и пулеметный огонь. Никто не видел выхода и спасения. Но в то же время никто не хотел позорно разбегаться. Все решили умирать вместе, один рядом с другим.

Невыразимо тяжело было глядеть в это время на горсть повстанцев, окруженных скалами, небом и вражеским огнем, преисполненных вдохновенной решимости биться до последнего и в то же время уже обреченных. Боль, отчаяние и особенная грусть охватывали все существо. Хотелось крикнуть на весь мир, что совершается величайшее преступление, что убивается и гибнет героическое в народе, — то, что он рождает только в героические эпохи.

Махно с честью вышел из этого страшного испытания. Он дошел до Галиции, поднялся затем к Киеву, недалеко от него переправился обратно через Днепр, спустился в Полтавщину и Харьковщину, вновь поднялся на север к Курску и, перейдя железную дорогу между Курском и Белгородом, оказался в новой, более легкой обстановке, оставив далеко позади себя многочисленные кавалерийские и пехотные дивизии красных..

***

Однако героическое единоборство группы махновцев с государственными армиями большевиков на этом не закончилось. Советское командование напрягло все усилия, чтобы захватить и уничтожить главное ядро махновщины. Со всех мест Украины оно стягивало и бросало на Махно многочисленные пехотные и кавалерийские дивизии. Огневое кольцо вновь и вновь захлестывалось вокруг героев-революционеров, и вновь начиналась смертельная схватка.

В письме к своему другу Махно в следующих словах обрисовал конец этого потрясающего героического эпизода в истории махновщины.

Он пишет [26]*:

«Как только ты уехал, дорогой друг, через два дня я занял город Корочу (Курск, губ.), выпустил несколько тысяч экземпляров «Положения о Вольных Советах» и сейчас же взял направление через Вапнярку и Донщину на Екатеринославщину и Таврию. Ежедневно принимал ожесточенные бои — с одной стороны с пехотными частями коммунистов-

большевиков, которые шли по нашим следам, а с другой стороны — со второй конной армией, специально брошенной против меня большевистским командованием. Конечно, ты нашу конницу знаешь, — против нее большевистская, без пехоты и автоброневиков никогда не устаивала. И я, правда, с большими потерями, но удачно расчищал перед собою путь, не меняя своего маршрута. Наша армия каждым днем доказывала, что она есть подлинно-народная революционная армия, — по создавшимся внешним условиям она логически должна была бы таять, а она росла и людьми, и богатым военным снаряжением.

На пути этого направления в одном из серьезных боев наш особый полк (кавалерийский) потерял убитыми более 30-ти человек, на половину из них командиры. В числе последних наш милый славный друг, юноша по возрасту, старик и герой в боях, командир этого полка Гаврюша Троян. Пуля сразила его наповал. С ним же рядом Аполлон и много других славных и верных товарищей умерло.

Не доходя до Гуляй-Поля мы встретились с большими свежими нашими силами под командой Бровы и Пархоменко. За-Ъем на нашу сторону перешла 1-ая бригада 4-ой дивизии конной армии Буденного во главе с самим бригадным Маслаком. Борьба с властью и произволом большевиков разразилась еще ожесточеннее.

В первых числах марта Брова и Маслак были выделены мною из армии, которая находилась при мне, в самостоятельную Дон-скую группу и отправлены на Дон и Кубань. Выделена была группа Пархоменко и отправлена в район Воронежа (сейчас Пархоменко убит, во главе оставался анархист из Чугуева). Выделена была группа сабель в 600 и полк пехоты Иванюка под Харьков.

В это же время наш лучший товарищ и революционер Вдови-ченко в одном бою был ранен, вследствие чего его с некоторой частью пришлось отправить в район Новоспасовки для излечения. Там он был выслежен одним большевистским карательным отрядом и при отстреле он и Матросенко [27]* застрелились. При этом, Матросенко совсем, а у Вдовиченко пуля осталась в голове ниже мозга. И когда коммунисты взяли его и узнали, что он есть Вдовиченко, дали ему скорую помощь и таким образом на время спасли от смерти. Вскоро после этого я имел от него сведения. Он лежал в Александровске в больнице и просил забрать его как-либо оттуда. Его страшно мучили, предлагая отречься от махновщины через подпись какой-то бумаги отречения. Он с презрением все это отверг, несмотря на то, что в это время он еле-еле мог говорить, и поэтому был накануне расстрела, но расстреляли его или нет, мне не удалось выяснить.

Сам я за это время сделал рейс через Днепр под Николаев, а затем оттуда обратно через Днепр по-над Перекопом направился в свой район, где должен был встретиться кое с какими своими частями. У Мелитополя коммунистическое командование устроило мне ловушку. Назад на правый берег Днепра ходу уже не было. Пошел лед по Днепру. Поэтому мне самому пришлось сесть на лошадь[28]* и руководить маневром боя. От одной части я уклонился от боя, другую своими разведывательными частями заставил сутки стоять развернутым фронтом в ожидании боя и этим временем сделал переход в 60 верст, разбил на рассвете 8-го марта третью часть большевиков, стоявшую у Молочного озера, и через стрелку между Молочным озером и Азовским морем вышел на простор в районе Верхнего

Токмака. Здесь я откомандировал Куриленко в район Бердянск — Мариуполь руководить в этом районе делом повстания. Сам отправился через Гуляй-Поле в район Черниговщины, откуда от нескольких уездов у меня была от крестьян делегация, чтобы заглянули в их район.

В пути моя группа, т.е. Петренко в 1500 сабель и из двух пехотных полков, находившихся при мне, была остановлена и сжата со всех сторон сильными большевистскими частями. Здесь опять-таки пришлось мне самому руководить контратакой. Контратака была удачна. Мы разбили врага вдребезги, массу взяли в плен людей, оружия, орудий и коней. Но спустя два дня нас снова атаковали свежие и сильные части противника. Каждодневные бои настолько втянули людей в бесстрашие за жизнь, что отваге и героизму не было пределов. Люди с возгласом: «жить свободно или умереть в борьбе» бросались на любую часть и повертели ее в бегство. В одной сверх-безумной по отваге контратаке я был в упор пронизан большевистской пулей в бедро через слепую кишку на вылет и свалился с седла. Это послужило причиной нашего отступления, так как чья-то неопытность крикнула по фронту — «Батько убит!..»

12 верст меня везли, не перевязывая, на пулеметной тачанке и я совершенно было сошел кровью. Не становясь на ногу, совершенно не садясь, я без чувств лежал, охраняемый и доглядываемыйлевой Зиньковским. Это было 14-го марта. В ночь против 15-го марта возле меня сидели все командиры группы, члены штаба армии во главе с Белашом и просили подписать приказ разослать по сто, по 200 бойцов к Куриленко, к Кожину и другим, которые самостоятельно руководили восстаниями в определенных районах. Приказ этот имел целью отправить меня с особым полком в тихий район до времени, пока я вылечусь и сяду в седло. Приказ я подписал и разрешил Забудько выделить легкую боевую группу и в указанном районе действовать самостоятельно, не теряя со мною связи. А на рассвете 16-го марта части уже были разосланы, кроме особого полка, оставшегося при мне. И в это время на меня наскочила 9-ая кавалерийская дивизия и в течение 13-ти часов преследовала нас 180 верст. В с. Слобода возле Азовского моря мы заменили лошадей и в 5 часов покормили людей и лошадей...

17-го марта на рассвете мы направились в сторону Новоспасовки и, пройдя верст 17, натолкнулись на другие свежие кавалерийские части большевиков, которые шли по следам Куриленко и, потеряв след последнего, напали на нас. Прогнав нас, нуждающихся в отдыхе и неспособных на сей день к бою, верст 25, совсем начали наседавать. Что делать? В седло я сесть не могу, я никак на тачанке не сижу, я лежу и вижу, как сзади в 40-50 саженях идет взаимная неопиcуемая рубка. Люди наши умирают только из-за меня, только из-за того, что не хотят оставить меня. Но в конце концов гибель очевидна и для них и для меня. Противник численно в 5-6 раз больше и бойцы его свежие и свежие подсакакивают. Смотрю, — ко мне на тачанку цепляются льюсисы[29]*, что были и при тебе возле меня. Их было пять человек под командой из села Черниговки Бердянского уезда. Поцепившись, они прощаются со мной и тут же говорят: «Батька, вы нужны делу нашей крестьянской организации. Это дело дорого нам. Мы сейчас умрем, но смертью своей спасем вас и всех кто верен вам и вас бережет; не забудьте передать нашим родителям об этом». Кто-то из них меня поцеловал, и больше я никого из них возле себя не видел. Меня в это время Лева Зиньковский на руках переносил из тачанки на крестьянские дроги, которые повстанцы

достали (крестьянин куда-то ехал). Я слышал только пулеметный треск и взрывы бомб, то люйсисты преграждали путь большевикам. За это время мы уехали версты 3-4 и перебрались через речонку. А люйсисты там умерли.

После мы заезжали на это место и крестьяне села Стародубовки Мариупольского уезда показали нам в поле могилку, в которой они, крестьяне, похоронили наших люйсистов. И по сию пору, вспоминая этих простых честных крестьян-борцов, я не могу удержаться от слез. Я все же должен сказать тебе, дорогой мой друг, что это меня, как бы, вылечило. В тот же день к вечеру я сел в седло и вышел из этого района.

В апреле месяце я связался со всеми своими частями, и тем, которые были недалеко от меня, велел сгруппироваться на Полтавщине. К маю месяцу я сгруппировал на Полтавщине Фому Кожина и Куриленко. Это составило более 2000 сабель одной конницы и несколько полков пехоты. Решено было пойти на Харьков и разогнать земных владык из партии коммунистов-большевиков. Но последние не спали. Они выслали против меня больше 60-ти автоброневиков, несколько дивизий конницы, целую армию пехоты. Бой с этими частями длился несколько недель.

Спустя месяц после этих боев там же, на Полтавщине, в одном бою погиб Щусь. Последнее время он был начальником штаба в группе Забудько и очень хорошо и честно работал.

А еще спустя месяц погиб Куриленко. При переходе нашей армии через линию железной дороги он своей группой прикрывал армию, почему, размещая части он оставался с дежурным взводом, сам лично наблюдал за разъездами. В одном хуторе его охватила кавалерия Буденного и он там погиб.

18-го мая 1921 г. конная армия Буденного передвигалась из района Екатеринослава на Дон для подавления крестьянского восстания, руководимого нашими товарищами Бравой и Маслаком — командиром 1-ой бригады дивизии армии Буденного, перешедшего со всей бригадой на нашу сторону.

Наша сводная группа под руководством Петренко-Платонова, при которой находился я и главный штаб, стояла в 20-15 верстах от маршрута, по которому двигалась армия Буденного. Это соблазнило Буденного, ибо он хорошо знал, что я нахожусь всегда при сводной группе. Поэтому он приказал начавтчасти № 21, двигавшейся в это время туда же на Дон для подавления восстания трудового крестьянства, сгрузить 16 автоброневиков и оцепить предместье с. Ново-Григорьевки (Стременное). Сам Буденный с частями 19-ой кавалерийской дивизии (бывшей дивизии «внус») через поля и дороги пришел в с. Ново-Григорьевку ранее, чем это предполагал начальник автобронечастей, объезжавший речонки и овраги и расстанавливавший у дорог сторожевые автоброневики. Бдительный глаз наших наблюдателей это вовремя заметил, что дало нам возможность подготовиться, и как раз в то время, когда Буденный подходил к нашему расположению, мы бросились ему навстречу.

В одно мгновение гордо несшийся впереди Буденный бросил своих соратников и, гнусный трус, обратился в бегство.

Кошмарная картина боя развернулась тогда перед нами. Красные части, пришедшие на нас, состояли из бывших войск внутренней охраны, с нами на крымском фронте не были, нас не знали и, следовательно, были обмануты, что они идут против «бандитов», что воодушевляло их гордость — от бандитов не отступать.

Наши же друзья повстанцы чувствовали себя правыми и считали долгом во что бы то ни стало разбить их и разоружить.

Бой был, какие редко до того и после бывали. Он завершился полным поражением Буденного, что послужило разложением в армии и бегством из нее красноармейцев.

После этого мною был выделен отряд из сибиряков под командой т-ща Глазунова, который был всем хорошо снабжен и направлен в Сибирь.

В первых числах августа 21 года по большевистским газетам мы читали об этом отряде, что он появился в Самарской губернии. Больше о нем не слыхали.

Все лето 21-го года мы не выходили из боев.

Засуха и неурожай в Екатеринославской, Таврической, частью Херсонской и Полтавской губ., а также на Дону, заставили нас передвинуться частью на Кубань и под Царицын и Саратов, а частью на Киевщину и Черниговщину. На последней все время вел бои тов. Кожин. При встрече с нами, он передал мне целые кипы протоколов черниговских крестьян, которые гласят полную поддержку нам в борьбе за вольный советский строй.

Я лично с группами Забудько и Петренко сделал рейс до Волги, обогнул весь Дон, встретился со многими нашими отрядами, связал их между собою и азовской группой (бывшая Вдовиченко).

В начале августа 21 года, в виду серьезных ранений у меня, решено было временно выехать мне с некоторыми командирами за границу, на излечение.

В это время тяжело были ранены наши лучшие командиры — Кожин, Петренко и Забудько...

13-го августа 1921 г. я с сотней кавалеристов взял направление к берегам Днепра и 16-го августа того же года на Рассвете при помощи 17-ти крестьянских рыболовческих лодок между Орликом и Кременчугом переплыл Днепр. В тощ же день был шесть раз ранен, но не тяжело.

По пути движения и на правом берегу Днепра мы встретили многие наши отряды, которым освещали цель нашего выезда за границу, и от всех слыхали одно: «уезжайте, вылечите Бать-ко и возвращайтесь снова к нам на помощь...» 19-го августа, в 12-ти верстах от Бобринца мы наткнулись на расположенную на реке Ингулец 7-ую красноармейскую кавалерийскую дивизию. Поворот назад грозил нам гибелью, т.к. один кавалерийский полк заметил нас справа и устремился отрезать нам путь назад. Вследствие чего я попросил Зиньковского посадить меня на лошадь. В мгновение ока, обнажив шашки ц. с криком — ура! — бросились мы в деревню и вскочили в расположение пулеметной команды

упомянутой кавдивизии. Захватив 13 пулеметов «Максима» и три — «Люйса», мы двинулись дальше.

В то время, что мы брали пулеметы, вся кавалерийская дивизия выскочила из села Николаевки и ближайших хуторов в поле и, опомнившись, перешла в контратаку. Мы, таким образом, оказались в мешке. Однако, не потеряли духа. Сбив с нашего пути 38-ой полк 7-ой кавдивизии, мы затем шли на протяжении 110 верст, отбиваясь от непрерывных атак этой дивизии и в конце концов ушли от нее, правда, потеряв 17 человек лучших наших товарищей.

22 августа со мной снова лишняя возня, — пуля попала мне ниже затылка с правой стороны и на вылет в правую щеку. Я снова лежу в тачанке. Но это же ускоряет наше движение. 26-го августа мы принимаем новый бой с красными, во время которого погибли наши лучшие товарищи и борцы — Петренко-Платонов и Иванюк. Я делаю изменение маршрута и 28 августа 1921 г. перехожу Днестр. Я — за границей...»

Третий поход большевиков на махновцев был одновременно и походом на украинскую деревню. Общая задача их в этом походе заключалась в том, чтобы, разбив махновскую армию, немедленно взять в руки все недовольное крестьянство, отнять у него возможность выделять какие бы то ни было революционно-партизанские течения и формирования. Освободившаяся после разгрома Врангеля многочисленная красная армия давала полную возможность этого. Через все непокорные села непокорного района были проведены красные дивизии, истреблявшие крестьян по доносам местных кулаков. Когда, неделю спустя после изменнического нападения большевиков на Гуляй-Поле, Махно вновь вошел туда, крестьяне и крестьянки массами окружали махновцев и горестно повествовали о том, что только вчера коммунисты расстреляли свыше трехсот местных крестьян. Население Гуляй-Поля напряженно ждало со дня на день прихода махновцев, которые бы спасли несчастных.

Тот же массовый расстрел крестьян махновцы через несколько дней нашли в с-Новоспасовка. В этом последнем культурно-просветительном отделе армии махновцев и Советом повстанцев были зарегистрированы случаи, когда опьяненные убийствами чекисты заставляли матерей брать на руки своих грудных детей и затем одним выстрелом поражали их. Так, например, поступили с женой и грудным ребенком старого повстанца из Новоспасовки, Мартына. Ребенок был разорван винтовочной пулей, а мать лишь ранена и осталась в живых по недосмотру чекистов. И таких случаев было немало. О них со временем расскажет история. Те же массовые расстрелы крестьян были произведены большевиками в селах М. Токмачка, Успенровка, в Пологах и других.

Всей этой карательной экспедицией руководил командующий армиями южного фронта Фрунзе.

«С махновщиной надо покончить в два счета», — писал он в приказе по армиям южного фронта перед началом этой экспедиции. И как истый военный, преисполненный притом желанием отличиться перед начальством, он въехал в украинскую деревню с обнаженной шашкой, сея смерть направо и налево [30]*.

